

СЕРГЕЙ ЮРОВ

*УБИЙСТВО
В ИМЕНИИ ОТРАДА*

18+

Сергей Дмитриевич Юров

Убийство в имении Отрада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23785695

SelfPub; 2020

Аннотация

1827 год. В имении Отрада праздник – именины хозяйки. Приглашенные гости без устали пьют, едят, веселятся, сплетничают. А утром подпоручицу Матякину находят мертвой с зажатым в руке носовым платком, на котором вышиты инициалы «А» и «М». За расследование берется отставной штабс-ротмистр Хитрово-Квашнин.

Сергей Юров

Убийство в имени Отрада

Сокращенный вариант романа опубликован в 3-м номере литературно-художественного журнала «Петровский мост» за 2020 г. В анонсе номера отмечено: «Центральное прозаическое произведение представлено ретродетективом Сергея Юрова «Убийства в имени Отрада». Действие разворачивается в 20-е годы XIX века в окрестностях Петрода, в котором угадывается уездный Липецк. Читателя привлекут не только авантюрный сюжет, но яркое описание исторических реалий – не случайно автор известен как краевед».

Публикуемая ниже версия романа является наиболее полной и отредактированной.

Действующие лица:

Андрей Васильевич Извольский, полковник, хозяин имения

Елена Пантелеевна Извольская, его жена

Анфия Филимоновна Извольская, его мать

Аглая Извольская, его старшая дочь

Анастасия Извольская, его младшая дочь

Гости:

Евстигней Харитонович Хитрово-Квашнин, штабс-рот-
мистр

Подполковник Матвей Аверьянович и Таисия Гордеевна
Измайловы

Коллежский ассессор Тимофей Александрович и Амалия
Кондратьевна Бершovy

Титулярный советник Илья Евсеевич и Клавдия Юрьевна
Нестеровы

Игнатий Леонидович Петин, секунд-майор

Коллежский регистратор Леонид Игнатьевич и Аграфена
Васильевна Петины

Поручик Ардалион Гаврилович и Антонина Герасимовна
Зацепины

Авдей Фирсович Потулов, поручик

Антон Андреевич Горелов, корнет

Эраст Семенович Кузовлев, корнет

Анна Степановна Плахово, капитанша

Лидия Ивановна Матякина, подпоручица

Клеопатра Фирсовна Щеглова, подпоручица

Мелания Щеглова, ее дочь

Ираида Гурьевна Доможирова, подпоручица

Татьяна Доможирова, ее дочь

Анри Деверье, французский подданный

Михаил Иванович Яковлев, коллежский регистратор, сек-

ретарь уездного суда

Анисим Агапович Ларин, петродарский купец

Слуги в имении Отрада

Порфирий, камердинер

Терентий, дворецкий

Ставр, садовник

Проход, конюх

Тимофей, доезжачий

Ануфрий, сын борзятника

Архип, голубятник

Прочие:

Иван Петрович Селиверстов, капитан-исправник

Василий Алексеевич Брусенцов, подпоручик, заседатель
нижнего земского суда

Иван Александрович Зеленов, титулярный советник, секретарь
нижнего земского суда

Осип Петрович Вайнгарт, штаб-лекарь

Антон Варсанофьевич Дудкин, дворянин, дирижер
крупного оркестра

Софья Матвеевская, петродарская дворянка

Юзеф Делерс, курский купец

Филат Терпугов, петродарский купец

Купцы, мещане, однодворцы

ГЛАВА 1

Отставной штабс-ротмистр Хитрово-Квашнин, правя легкой бричкой, с интересом разглядывал местность по обе стороны дороги. Навстречу бежали поля, мелькали владельческие деревушки, возникали и долго тянулись крупные однодворческие села. После короткого дождя вдруг распогодилось, от темной тучки, что висела в небе, не осталось и следа. Было приятно видеть, как июньское солнце играет на маковках церквей и золотит железную кровлю помещичьих гнезд.

Встречавшиеся однодворцы дружелюбно посматривали на проезжавшего барина. Крепостные крестьяне издали снимали поярковые шляпы и суконные картузы и низко кланялись ему. Иные из них восклицали: «С приездом, Евстигней Харитоныч!» Он с улыбкой кивал им в ответ, пытаясь вспомнить, какому помещику они принадлежали... Нет, а все-таки приятно снова видеть знакомые места!.. Сколько раз проезжал он по этому пути в прошлом?! Не забыты ни одна лощинка, ни один взгорок ... И, куда не кинь взор, всюду владения местного дворянства... Тут, слева, поля Гардениных, Прибытковых, Сумароковых, по правую руку – князей Волконских, флотоводцев Сенявиных... А вот и земляца отставного поручика Маслова, сменившего его на посту земского исправника...

Свежая зелень березовых и тополевых рощиц радовала глаз. С полей тянуло свежевспаханной землей, слышался

птичий щебет. Хитрово-Квашнин вздохнул полной грудью и пригладил темно-каштановые волосы. Сорокадвухлетнему ездоку почти не приходилось понукать лошадей, соловый и чубарый бежали ходко, без всякого напряжения. Большой частью дорога шла по плоской местности, иногда уходя под уклон, чтобы вскоре вновь вытянуться прямой темно-бурой лентой.

Вдали, у самого горизонта, широкие поля упирались в длинную темную полосу соснового леса... Хм-м, ходят слухи, что в нем с недавних пор хозяйничает шайка разбойников какого-то Стеньки Колуна... Беда! Куда же смотрит исправник?.. А вот и большая уездная чересполосица!.. Владения Козловых, Кузовлевых, Осиповых, Писаревых, Росляковых, Уваровых и Бог знает каких еще помещиков! Но каждый дорожит своим клочком земли, не уступит и пяди!

В голове штабс-ротмистра возник образ двоюродной сестры по материнской линии Елены Пантелеевны Извольской, на именины которой он и поспешал в этот приятный летний денек... Вот судьба, не красавица, низенького роста, веснушки по всему курносому носу, а взяла да и очаровала одного из самых крупных и влиятельных помещиков в уезде! И, судя по всему, продолжает жить с ним в любви и согласии. Местные кумушки утверждали, что Андрей Васильевич Извольский ни разу не нарушил клятвы Гименея. А им, этим всезнайкам, можно верить. Помнится, вертопрахи помоложе, не пропускавшие ни одной юбки, посмеивались над ним,

но негромко, втихую. Извольский в вопросах чести щепетилен, во время службы в Санкт-Петербурге часто дрался на дуэлях и остался целехонек!.. Ведет переписку с влиятельными лицами в окружении губернатора, имеет связи в столице. С дворянами весел и приветлив, дворовых и крестьян не гнобит, но и поблажек не делает.

Сестра в письме привела список гостей. Так и просится на язык грибоедовское: «Ба, знакомые все лица!»... Уездный предводитель дворянства Лодыгин, супруги Бершовы, Нестеровы, Петины, Зацепины, поручик Потулов, корнеты Кузовлев и Горелов, капитанша Плахово и, конечно же, вдовы подпоручицы Доможирова, Матякина и Щеглова. Все родня да друзья семьи. Новых персон немного – петродарский купец Ларин, секретарь уездного суда Яковлев, чета дворян Измайловых и... природный француз Анри Деверье, прибывший в Россию с научной целью. Отдельные гости с некоторых пор пребывали в ссоре между собой и появлялись у Извольских только порознь. Елена Пантелеевна, горя желанием помирить их, попросила мужа использовать свой авторитет для улаживания прискорбных разногласий. Андрей Васильевич каждому из дворян послал приглашение, сделав пометку, что отказ воспримется как знак неуважения не только к его дражайшей половине, но и к нему лично.

Хозяева – большие хлебосолы, гостей потчуют по два-три дня кряду! Оркестр у них из доморощенных крепостных музыкантов, небольшая театральная труппа из дворовых лю-

дей... А как любила гащивать в большом усадебном особняке покойница! Бывало, скажет: «Поедем-ка, Евстигнеюшка, к Извольским. Отдохнем, посмотрим спектакль по какой-нибудь пьесе, послушаем музыку. Где еще в наших местах можно отвести душу?»»

Впереди показались беговые дрожжи, влекомые саврасой худой лошадежкой. Завидев бричку, возница прижался к обочине, снял шляпу и стал кланяться. Хитрово-Квашнин, поравнявшись с дрожжами, окинул взглядом встречного ездока и попридержал лошадей.

– Тпру!.. Никак ты, Никодим Саввич?.. Чего это жмешься к обочине, словно кучер какой-нибудь?

– Евстигней Харитоныч!.. Вот так неожиданность!.. Вы, что ж, вернулись?

– Что за «вы»?.. До моего отъезда мы всегда были на «ты».

Хитрово-Квашнин вдруг вспомнил, что Никодим Осипов, служивший под его началом заседателем в нижнем земском суде, недавно влез в долги и вынужден был заложить свое имение. Об этом писано в сестринских письмах. И виной всему карточные долги и волокитство. Хм-м... вспоминается барский дом коллежского регистратора – деревянное ветхое жилище с покосившимся крыльцом и двумя комнатенками. В одной обитал сам барин со своим престарелым дядей, в другой, разделенной перегородками, кое-как ютились дворовые.

– Как поживаешь, Никодим Саввич?

– Ничего, живем помаленьку... Вот возвращаюсь из Алексеевки. Заглянул туда по просьбе Ивана Александрыча Ханыкова.

Штабс-ротмистр прищурил глаза и пригладил кончики усов. Видно, незавидно житье твое, Никодим. Ездишь на каких-то дрянных дрожках, кланяешься проезжающим дворянам. У богатых соседей на посылках. Верно, сидишь у них на краешке стула, хихикаешь, лебезишь, на бильярде и в шахматы им проигрываешь. Дрожки свои, поди, у ворот оставляешь, к крыльцу барскому пешочком ходишь. Эх, а ведь подавал надежды, будущее рисовалось в радужном свете. Мечтал прикупить крестьян, на месте деревянного невзрачного домика хотел возвести каменный.

– Ну, бывай, дружище!

– Счастливого пути и доброго здоровьица, Евстигней Харитоныч!

Оставив позади большое однодворческое село, Хитрово-Квашнин переправился через тихую Матыру, свернул влево, и вскоре колеса рессорной брички зашуршали по крупному речному песку подъездной аллеи усадьбы Отрада.

Впереди, за деревьями, показалось одноэтажное каменное строение с мезонином, балкон которого опирался на четыре дорические колонны, и двумя двухэтажными флигелями по обе стороны фасада. Подъезжая к дворянскому гнезду, путник отметил, что оно по-прежнему смотрится солидно и привлекательно. «Похожие особняки стоят в Подмосковье,

здесь же они большая редкость», – подумалось ему. – «Эх, надо строить в Харитоновке новый дом. Дедовский, деревянный, крытый тесом и раскрашенный под кирпич, совсем обветшал. В нем и жить-то нельзя. Какой же возвести?.. Конечно же каменный! Он будет одноэтажным, с мезонином и колоннами и, конечно же, с железной кровлей. Приблизительно таким, как у Извольских».

В конце главной аллеи, обсаженной липой, отставной штабс-ротмистр обогнул цветник с фигурными клумбами из роз, левкоев и лилий и остановился прямо напротив парадного крыльца, на котором гурьбой толпились хозяева, их дети и слуги – дворецкий во фраке, камердинер в ливрее, горничные в чепцах и закрытых платьях. Несколько на отшибе стоял незнакомый молодой господин с темными волосами и очками на носу с горбинкой.

Сойдя с брички, Хитрово-Квашнин одернул синий двубортный мундир, поправил орден Св. Георгия, разгладил панталоны и, убедившись, что носки сапог сияют блеском, вручил поводья подбежавшему лакею, а саквояж – дворецкому. С тростью в одной руке, бумажной коробкой в другой, подошел, слегка прихрамывая, к крыльцу, поднялся по ступеням и расцеловал сестру. Обнял затем племянниц, 18-летнюю крестницу Аглаю и 15-летнюю Анастасию, и, наконец, обменялся рукопожатием с хозяином, среднего роста худощавым сероглазым шатеном в длинном архалуке, свободно кроя брюках и лакированных домашних туфлях.

– Добро пожаловать, старый друг, – с теплотой произнес отставной полковник, похлопывая Хитрово-Квашнина обеими руками по предплечьям.

– Рад, очень рад встрече, Андрей Василич. Приятно видеть, что годы тебе нипочем, все такой же бравый и подтянутый.

Извольский указал на чернявого юношу, одетого во фрак и плисовые панталоны.

– Познакомься, Анри Раймон Деверье, наш гость из Франции. На днях пожаловал. Представь, он сын того самого француза, который умер у нас в Отраде от горячки по пути к Гардениным в двенадцатом году. Помнишь, Леночка рассказывала, когда мы вернулись с войны?.. Приехал, чтобы увидеть могилу отца. Заодно серьезно пишет про нашу российскую растительность, про деревья всякие и кустарники.

Хитрово-Квашнин хорошо помнил рассказ кузины. В конце октября 1812 года на пороге усадебного дома Извольских появился больной иностранец. Прежде чем слечь в тот же день в горячке, он поведал удивительную историю. Оказывается, он был офицером в наполеоновской армии, дважды попадал к русским в плен, оба раза был обменен, и служил до тех пор, пока не дошел до Москвы и не влюбился в юную русскую дворянку, гостившую в тот год у своей тетки. Несколько недель длилось ухаживание, и девушка, ему, казалось, отвечала благосклонностью. Но в начале октября ее увезли в родовое имение на присланных отцом лошадях. Жюль Деверье затосковал, исхудал, не находил себе места.

Любовь к русской красавице поглотила его целиком. Спустя две недели после отъезда возлюбленной, он не выдерживает: переодевшись в гражданскую одежду, оставляет свою часть и направляется на юг, в Петродарский уезд, чтобы просить ее руки. Неплохо говоря по-русски и избегая, благодаря этому, разоблачения, дезертир почти добирается на перекладных до цели, но внезапная болезнь заставляет его постучаться в двери другого усадебного дома.

Извольская, выслушав необычного гостя, сначала попыталась вылечить его с помощью местного врачевателя из крестьян, потом послала в город за штаб-лекарем, но француз быстро угасал. По его просьбе ему дали перо и бумагу. Свое короткое письмо французский дворянин адресовал сы-

ну, жившему в Гаскони у незамужней старшей сестры. К вечеру ему стало хуже, в бреду он часто повторял имя Анны Гардениной, младшей дочери губернского секретаря Якова Гарденина, владельца имения Богохранимое. Когда штаб-лекарь приехал в Отраду, лечить ему было некого – француз уже отдал Богу душу. Сгорая от любопытства, Елена Пантелеевна взглянула на чужое письмо, но ничего в нем не разобрала – Деверье, увы, написал послание на непонятном для нее языке. А письмо доставили по адресу братья Голицыны, отправившиеся в поездку по Европе в 1815 году.

Хитрово-Квашнин посмотрел на худого высокого иностранца, лицо которого отличалось золотисто-смуглым оттенком, характерным для уроженцев юга Европы.

– Значит, вы получили отцовское послание, написанное на странном языке?

– Уи, мсье. Пардон, ви гаварить по-французски?

Русский кивнул. Французского языка в то время не знали только самые захудалые дворяне, безвылазно сидевшие в своих углах и хлебавшие щи лаптем.

– Отец написал письмо на португальском языке, – пояснил француз. – Моя мать была португалкой, она и научила нас с отцом родному языку, прежде чем уйти в мир иной от оспы... Тетка моя, у которой я воспитывался, в зрелые годы вышла замуж за канадца Жерома Гартуа, торговца пушниной, и забрала меня с собой в Канаду. Там я и вырос. Позже вернулся во Францию, поступил в Сорбонну, стал ботани-

ком. Пишу большую научную статью «Влияние неблагоприятных факторов на жизнеспособность деревьев Европы».

Штабс-ротмистр вспомнил, что у бывшего тамбовского губернатора и известного поэта Гавриила Романовича Державина первая жена была дочерью камердинера Петра III португальца Бастидона. По рассказам, она отличалась красотой, добрым и веселым нравом.

– Гм-м, немцев, французов и англичан всегда хватало в России. Португальцев, напротив, днем с огнем не сыщешь... Ну и что же сокращает жизнь российским деревьям, мсье?

– Я только приступаю к исследованиям, – смутился француз с португальской кровью в жилах.

Хитрово-Квашнин пожелал ему удачи в научных изысканиях, повернулся к хозяйке и вручил ей кулон на цепочке с гравировкой ее имени. Затем вынул из коробки красивую соломенную шляпку.

– Приобретено в Первопрестольной, матушка, – пояснил он, шутовски приняв важный вид.

Именинница водрузила на голову шляпку и широко улыбнулась.

– Спасибо, братец! Шляпка просто чудо! И кулон превосходен!.. Ах, какой приятный сюрприз ты устроил!.. Как снег на голову!.. Ни письма от тебя в последнее время, ни весточки... Оказалось, вон что задумал!.. Слышим, лакей вопит с крыши: «Барин Евстигней Харитоныч едут!»...

– А это тебе, крестница! – Хитрово-Квашнин вынул из

кармана небольшую коробочку, достал из нее золотой браслет и надел на запястье Аглаи. Та обняла крестного родителя и расцеловала его. Запечатлела на его щеке поцелуй и Анастасия, когда он повесил ей на шею очаровательную золотую цепочку. Девицы на время забыли обо всем на свете, обсуждая достоинства подарков.

– Рад, очень рад! – произнес хозяин, улыбаясь и кивая головой. – Ну, что, потянуло в родные пенаты?.. Надолго ли?

– Навсегда, Андрей Василич... Подмосковье оно, само по себе, и не худо, да уж больно по нашим просторам соскучился. Такого раздолья там не встретишь. Леса кругом да болота – прямо, царство Берендеево!

– Вот здорово! – воскликнула Елена Пантелеевна, переглядываясь с детьми.

– Не шутишь? – усомнился Извольский.

– Истинный крест! – Хитрово-Квашнин перекинул трость в левую руку, а правой широко перекрестился. – Тоска по родным местам заела.

– Лучшей новости ты и привести не мог... Почитай, шесть годков тебя тут не было... Что ж, погуляем денька три, а дальше Петров пост, нельзя.

– Ну, трех-то дней должно хватить за глаза!

Хозяйка обошла гостя кругом. Внешний вид его произвел на нее благоприятное впечатление. Фигура оставалась подтянутой, на лице с большими карими глазами, твердой линией рта и носом с едва заметной горбинкой морщины ничуть

не углубились. Евстигней все такой же красавчик, подумала она. Хорош! Хоть опять в женихи!

– Не стареешь, братец, лишь волосы слегка подернуло сединой. Ну, дай-то Бог!.. Не женился еще?.. Берегись, подружки юности далекой, подпоручицы Доможирова и Щеглова, тебя так просто не оставят. Все вытягивали из меня, не надумал ли ты вернуться в Харитоновку. Так что приготовься к осаде.

– Ты забыла про их товарку, Матякину.

– Лидии Ивановне не до тебя, она имеет виды на поручика Потулова. Он теперь не такой усердный гуляка и выпивоха.

– Вот оно что, тогда отобьемся! – заверил ее штабс-ротмистр, улыбаясь. – Э-э, да где ж твои веснушки, сестрица? Неужто вывела?

– Сами собой исчезли. Видно, время пришло... А, что Авксентий Евстигнеич?.. По-прежнему служит в Москве? Какой он из себя? В Головниных?

– Ведь поближе к нему ты и перебрался, когда не стало Ирины Григорьевны, – вставил Извольский. – Что и говорить, единственный ребенок!

– У братца было три мальчика и четыре девочки, но остался лишь один Авксентий, – вздохнула хозяйка. – Если бы не колики да оспа, и мы сейчас бы воспитывали восьмерых детей... Ох, не будем о грустном!

– В детстве и юности Авксентий и впрямь на мать был больше похож, – сказал Хитрово-Квашнин. – Теперь наше, хитрово-квашнинское, в нем проглядывает... В отставку, слава

Богу, вышел. Ждал я этого. Оставил ему Нескучное, а сам сюда. Третьего дня к вечеру и прибыл в Харитоновку... Сходил на кладбище, всплакнул... Вот ведь какая штука, гораздо мы ценить близкого человека только после его ухода навеки вечные... А могилка покойницы, слава Богу, в пригожем виде! Что и говорить, крепостные любили Ирину Григорьевну.

За дверями послышались шаркающие шаги, и на пороге показалась миловидная старушка в чепце старинного покроя и коричневом шелковом платье. Прищурившись и поднеся руку к глазам, она неторопливо осмотрела парадное крыльцо. Это была семидесятилетняя мать хозяина дома.

– Кто ж это к нам пожаловал? – проговорила она нараспев, остановив взгляд на госте. – Никак, Хитрово-Квашнин!

– Он, матушка, – сказал Извольский. – Приехал насовсем, в Нескучное уж больше не вернется. Сыну оставил старинное прадедовское поместье.

Отставной штабс-ротмистр поцеловал старушке морщинистую руку. На каждом пальце у нее тускло поблескивал либо перстенок, либо колечко, а на запястьях виднелись старинные браслеты с драгоценными камнями.

– Рад встрече, Анфия Филимоновна. Как здоровье?

– Какое здоровье, отец мой?... Живу, и слава Богу!.. Спину отпустит, сердце прихватит, подагра утихнет, мигрень одолеет. Так-то... А ты, смотрю, вылитый Харитон Авксентьевич – царствие ему небесное!.. Ну, с приездом!

– Спасибо, что вспомнили батюшку, сударыня, – поблагодарил пожилую дворянку Хитрово-Квашнин. – Он вас, насколько я знаю, уважал.

– Уважал? Он готов был сватов ко мне заслатъ, да Авксентий Евстафьевич запрет наложил. Олимпиаду Рахманинову вместо меня выбрал. Федцовы в глазах твоего деда были не такими родовитыми, как Рахманиновы... В старину дворяне больно разборчивы были, чуть ниже рангом сосед, на него уж и не смотрят, важничают. Время прошло, и что ж? Какую свадьбу закатила Евпраксия Ивановна Рахманинова, женив своего сына Георгия на моей двоюродной племяннице Марии, дочери секунд-майора Федцова! Молодые венчались в Знаменском, а когда ночью отправились к ней, в Казинку, то на всем протяжении пути – верст пятьдесят – свадебному кортежу дорогу освещали смоляные бочки! Такой фейерверк устроила на свадьбе, что имение едва не спалила!

– Как нашел родное гнездо? – спросил у гостя Извольский. – Слышал, управляющий не очень-то радел о Харитоновке.

– Есть, на что жаловаться. Приказчик – такая скотина, что не приведи Господь!.. Везде упущения и недосмотр, дышло ему в горло! Оставь таких подлецов без присмотра, они тебе сюрпризов-то наделают!

– Нынче это не редкость, – согласилась Анфрия Филимоновна, покачивая головой. – В прежнее время того не было. Люди не вольничали, дело делали и страх имели. Помню,

отец мой оставлял имение на управляющего без всякой боязни. Знал, приедет, все будет на месте, а то и с прибытком. Вот как!

– Верно, – поддержал мать Извольский. – Сегодня отовсюду слышишь: староста пройдоха, управляющий – вор, разбойник... Беда с ними! А в дальних владениях что творится? Приказчики каждый год планы повышения доходности поместий составляют, уверяют, что справятся, а приедешь к ним, конь не валялся!.. Ну, довольно об этом!.. Что ж, Евстигней Харитоныч, служил ты там, в Подмосковье, или занимался хозяйством?

Елена Пантелеевна повернулась к мужу и с удивлением воззрилась на него.

– Свет мой, забыл ты, что ли?.. Служил братец, в письмах писано.

– Ах, да, в заседателях.

Хитрово-Квашнин улыбнулся. Контузия отставного полковника нет-нет, да и сказывалась на его памяти.

– Нет, не в заседателях, Андрей Василич. Тамошнее дворянство дважды избирало меня на должность земского исправника. Опыт, если помнишь, у меня в этом деле имелся – до отъезда и здесь был капитаном-исправником.

– И как ты со своей ногой да все по этой хлопотной должности... Тебя, кажется, ранило под Малоярославцем?

– Под Вязьмой... А дело это у меня, сам знаешь, в крови. Покойный батюшка – царствие ему небесное! – еще при

воеводах ловил воров да татей. Да и хромота небольшая, по-привык уж, справляюсь.

– Ну, конечно, под Вязьмой. Там ты и заслужил свой орден... Многие русские офицеры проявили на поле доблесть и мужество. Всыпали тогда мы Бонапартишке! Ох, высыпали!.. Что, Анри, дали мы прикурить вашему Наполеону? – обратился Извольский к щуплому молодому человеку.

Тот сконфуженно опустил глаза, поправляя большие круглые очки в костяной оправе.

– Я за дружба между француз и русский.

– Конечно, за дружбу!.. А если французики вновь сунутся к нам, то наши чудо-богатыри зададут им перца не хуже, чем в двенадцатом!.. Так, пока время позволяет, сходим-ка мы, Евстигней Харитоныч, на двор. Мне не терпится показать тебе конюшню и псарню.

– Что б недолго там, душа моя, – напомнила мужу Елена Пантелеевна. – Гости уж скоро пожалуют.

ГЛАВА 2

Извольский сначала показал гостю оранжерею, находившуюся справа от господского дома, среди яблонь и вишен густого сада. В продолговатом деревянном здании росли померанцевые, персиковые и лимонные деревья, выращивались груши-бергамоты, абрикосы, ананасы, сливы, черешни. Один из уголков украшали карликовые пальмы, рододендро-

ны, орхидеи. Пахло влажной землей и цветочным нектаром.

– Как тебе оранжерея? – обратился полковник к Хитрово-Квашнину. – Лет пять, как построена. Денег на обустройство потратил – уйму!.. А ведь красивое местечко, верно?

– Не то слово! – отвечивал тот. – Я планировал завести оранжерею в Подмосковье, да руки не дошли. Все некогда было, то одно дело, то другое... Попробую осуществить задуманное в Харитоновке.

Выйдя из оранжереи, Извольский провел гостя по дорожке, обсаженной белой сиренью, на обширный хозяйственный двор.

– А вот и новая конюшенка! – проговорил он с гордостью, приблизившись к крепкому и высокому строению. – Прежнюю безжалостно снес! Не устраивала меня никоим образом. А на эту и посмотреть приятно, не правда ли?

Фасад конюшни смотрел на восток, навстречу солнцу. В ней имелись две двери, высокие потолки и достаточное количество окошек. В чисто прибранных денниках стояли породистые вороные, гнедые, серые, буланные, саврасые и соловые лошади. Все ухоженные, расчесанные, лоснящиеся от избытка внимания. Видно было, что содержанию животных хозяин придавал большое значение.

– У меня строго, – сказал Извольский, осматривая конюшню зорким оком. – Уборка денников каждый день, раз в неделю чистят все принадлежности. Все тут проветривается, под потолком сделаны нужные отверстия. Зимой здесь теп-

ло, летом прохладно и сухо. Ясли нарочно укрепил повыше, что б лошади приучались красиво держать голову. Сапом ни одна из них не страдала. Не дай Бог плесень или сырость какую замечу! Пятьдесят плетей без разговора! Крыс и в помине нет, под полом битое стекло.

При виде хозяина лошади оживились, закивали головами, стали громко пофыркивать. Он подошел к крупному буланому коню с короткой челкой и белой полоской на лбу и погладил его по боку.

– Ну, что, Волшебник, не все тут еще сгрыз?.. Отличный жеребец, быстр как молния. В прошлом годе на скачках в Лебедяни взял первый приз. Обошел, шельмец, на последних саженьях всех, включая Барона, голицынского призового жеребца, который теперь в собственности у моего троюродного брата! Воейковы, Тиньковы, Терпигоревы и Хвощинский только руками развели!.. Пытались перекупить, куда там, даже и не подумал торговаться! Хорош конь, слов нет, а дурную привычку завел – повадился глодать кормушку и стенки у стойла... Не отучил, Прохор?

Молодой симпатичный конюх с длинными светлыми волосами и тонкими усиками, встретивший хозяина и его гостя у входа в конюшню, выпалил:

– Никак нет, ваше высокоблагородие! И старший конюх, и я что только не делали, упрямится и все тут. Из денника в стойло перевели, не помогает. Прогуливаю его, как положено, а он все за свое.

– От безделья это, как Бог свят! Конь создан для движения, вот и мается. Увеличить время прогулки, ясно?

– Так точно!

Пошли по конюшне дальше. Прохор шагал впереди и называл клички лошадей – Агат, Адмирал, Азов, Лорд, Вольный, Азартная, Амбиция, Марго.

– Как твой заводик в Подмоскovie, Евстигней Харитоныч? – обратился Извольский к штабс-ротмистру. – Не переведешь в Харитоновку?

– Сыну оставил. Пусть занимается.

– А я страсть как люблю это дело... А вот и Ворожея... О, ценная кобылка! Орловской породы. Такой здоровый приплод принесла в прошлом году... Что такое? Опять топчется, что б ей пусто было! Никак не могу отучить ее от «медвежьего шатания». Переступает в деннике с ноги на ногу, как проклятая! Ведь это изнуряет, истощает ее, дуреху... Прохор, сажал ли к ней овцу, как я приказывал?

– Сажал. Поначалу присмирела, все на овцу таращилась. Потом опять взялась качаться как маятник.

– Привыкла к овце, чертова ослица!.. Посади к ней собаку или гусака!

– Будет исполнено!

Извольский задержал взгляд на слуге.

– Прохор, в честь дня ангела хозяйки водку слугам поднесут. Похоже, выпьешь?

– Самую малость.

– Смотри, не переусердствуй! Не забывай про свою болезнь.

Извольский повернулся к спутнику и шепнул ему на ухо:

– Сердце у конюха пошаливает. Месяцами в рот горькую не берет, а потом вдруг и поддаст, да как следует.

Подошли к деннику, в котором находилась рослая гнедая кобыла с белой звездочкой во лбу.

– А это Ласточка. На ней я обычно прогуливаюсь и езжу в Петродар. В прошлом году ее у меня увели. Прямо от здания городнического правления. Да, было дело. Оставил лошадь у коновязи, увиделся с городничим, выхожу, а ее и след простыл! Ох, и расстроило меня это. Слава Богу, горевал я недолго. В тот же день Ласточку обнаружил штабс-капитан Коренев. Едет он на коляске по Воронежской и видит, как двое горожан, озираясь, заводят на двор гнедую со звездой во лбу. Э-э, думает, дело нечисто. Лошадка-то, кажется, краденая, и уж очень похожа на Ласточку полковника Извольского! Он к частному приставу, ну и повязали воришек. Один состоял в мещанстве, другой – отставной канонир. Оба в наказание получили от нижних полицейских служителей по тридцати плетей. С канонира сняли все знаки отличия с нашивками и сослали в Сибирь на поселение. Мещанина определили бессрочно в арестантские роты.

Вдоволь насмотревшись на лошадей и дав всем свои характеристики, полковник повел штабс-ротмистра на псарню. Проходя мимо раскрытых дверей каретного сарая Хит-

рово-Квашнин разглядел в нем большую карету, тарантас, коляску на шинованном ходу, роспуски, дрожки, зимний возок и санки.

На псарне толпились выжлятники и борзятники. Господ встретил псарь Сидор, коренастый, широкоплечий, с окладистой бородой, похожий на Илью Муромца. Завидев хозяина, собаки бросились к нему и забегали вокруг, как заведенные. Но лапы на него не накладывали – псарь давно отучил их от этого своеволия.

– Как собачки, Сидор? Все сыты ли, здоровы?

– Блюдем, – проговорил немногословный псарь, почесывая плечо могучей дланью. Одет он был в подпоясанную длинную рубаху и широкие штаны.

– А где у нас Дерзай? Где наш славный пес? Вот он, красавчик!

Дерзай оказался большим черным кобелем в белых носках. В отличие от других собак, он сидел в сторонке и спокойно наблюдал за происходящим умными глазами.

– Веришь, матерого волка взял без своры, в одиночку! Матерый, известно, умный, выносливый хищник. Убивает дичь намного больше себя по размеру, лося, скажем. А, поди ж ты, Дерзай не сплоховал. Только клочки от серого полетели!.. Ко мне, Дерзай!

Пес поднялся, подошел к хозяину, ткнулся головой в его бедро и сел рядом. Извольский наклонился и почесал его за ушами.

– Важный пес, силач, умница! – говорил хозяин с любовью. – Погладь его, Евстигней Харитоныч, не бойся, не укусит.

Хитрово-Квашнин погладил пса, потрепал его за уши. Дерзай поднял голову и с благодарностью посмотрел на него умными влажными глазами.

– Тимофей, что наши гончие? – спросил Извольский, обратившись к высоченному и худому доезжающему в старинном красном полукафтани.

– Порядок, ваше высокоблагородие. Подбегай, Кусай и Свиреп выздоровели, Набат, Колотило и Пурга уж на ноги поднимаются.

– А что борзые?.. Где борзятник Демид?

– Занемог слегка, ваша милость. За борзыми присматривает его сын, Ануфрий.

– Все собаки в здравии! – доложил Ануфрий, среднего роста паренек с родимым пятном на щеке и приплюснутым носом. – Кроме, Бушуя и Заливая. Поцапались, но не сильно.

Заглянули на птичник, где разгуливали гуси, утки, куры, индюки и цесарки. За всем этим хозяйством присматривали две птичницы, возле которых держались ручные цапля и журавль.

Сходили к голубятне, деревянному строению в форме цилиндра с лестницей и летком, забранным решеткой. На летке, крыше и высокой крестовине сидела, обираясь, масса разномастных голубей.

– Жаль, нет времени, Евстигней Харитоныч, – сказал Извольский. – А то я поднял бы своих чистых. Знаю, ты не охотник до голубей, но, право, стоило бы посмотреть, как они поднимаются в небо. Уйдут эдак ввысь и плывут на гладких, крылом не взмахнут! Правики, опускаясь, делают размашистые круги вправо, а левики кружат влево. Загляденье!.. Мои самые любимые – воронежские зоревые, выведенные крепостными графа Орлова. Гоню их обычно на утренней заре, бывает, на вечерней. Птица умная, преданная, но не любит, понимаешь, сивушного запаха. Недавно улетели два чернохвостых красавца. Вот этот подлец по пьянке их в руки брал!

Голубятник Архип, высокий мужик с рыжими космами и бородой, стоял у крестовины навытяжку, опустив глаза долу.

– Что голову повесил? – обратился к нему со строгостью в голосе Извольский. – Говорил я тебе пьяным к голубям не соваться?

– Говорили, – пробурчал голубятник, не поднимая головы.

– Говорили! – передразнил слугу хозяин. – Берегись!.. Если это повторится, задам такую трепку, что предыдущая порка на конюшне покажется тебе забавой! Ибо в следующий раз псарь со своим витым ременным арапником возьмется за дело, а не конюх.

Насмотревшись на воронежских зоревых, чистых космачей, тульских чеграшей и старорусских кружастых, Извольский с Хитрово-Квашниным вернулись к парадному крыль-

цу. Анфия Филимоновна, Елена Пантелеевна, девушки и француз никуда с него не уходили.

– Ну, теперь-то твоя душенька покойна? – спросила Извольская, глядя с улыбкой на мужа.

– Показал все, что хотел, – довольным голосом произнес тот и посмотрел на иностранца. – Значит, мсье, дружить должны русские и французы?

– Да, да, я за дружба, – уверил Извольского Деверье. – Война это не есть хорошо.

– То-то же. Не тревожьте нас, иначе опять получите по всей форме!.. Не оскудевает земля русская! Вот, хоть взять Евстигнея Харитоныча. Герой, кавалер! Да к тому же умеет забивать гвозди руками! Право, такая необычная способность!.. Как вспомню, так мурашки по телу!.. Не разучился, Евстигней Харитоныч?

– Как можно?

– Порфирий!.. Доску и большой гвоздь сюда, живо!

Старый камердинер с коротко подстриженными волосами и чисто выбритым лицом кивнул и скрылся в доме.

– Андрюшенька, ну к чему это? – Елена Пантелеевна с укоризной посмотрела на мужа. – Идите в дом, переодеваться пора.

– Минутку, моя дорогая...

– Будь покойна, сестра, – сказал Хитрово-Квашнин, вручив трость седовласому дворецкому Терентию. – Это не займет много времени.

Когда сухопарый камердинер принес требуемые предметы, отставной штабс-ротмистр взял гвоздь в левую руку, положил на его шляпку свернутый носовой платок и с пяти раз вогнал его правой ладонью в доску. Извольский передернул плечами и воскликнул:

– Ну, брат, у тебя не рука, а кувалда! Не поздоровится той шее, на которую она опустится в минуту гнева.

Елена Пантелеевна с улыбкой покачивала головой, дети ее от души смеялись, а дворовые Извольских, шушукаясь между собой, во все глаза таращились на барина, который только что голой рукой, как молотком, вбил порядочный гвоздь в достаточно толстую деревяшку. Щуплый француз также был под впечатлением.

– Мсье, североамериканские индейцы, которых я неплохо знаю, прозвали бы вас Железным Кулаком...

– Слушай, Евстигней Харитоныч, – перебил француза хозяин имения. – Что скажешь о Вальтере Скотте?.. Россияне без ума от занимательного шотландца. «Уэверли», «Пуритане», «Роб Рой» читают и молодые, и старые.

– Романы его и мне по душе, – признался Хитрово-Квашнин. – Хорошее чтение.

– Еще бы!.. Речь, вообще-то, не о нем. Анри привез нам в подарок книги американского писателя Фенимора Купера. Не читал?.. Право, ничуть не хуже Вальтера Скотта!.. Настоятельно советую ознакомиться, не пожалеешь. «Последний из могикан» – чудо как хорош!.. Туземцы у него, Гуроны с

Делаварами, парни не промах, снимают скальпы запросто, словно кожуру с картошки!.. А как метают, подлецы, томагавки, то есть топорики по-нашему – фантасмагория!.. Книжки у меня в кабинете, если что.

В этот момент откуда-то сверху раздался громкий голос:

– Барыни Доможирова, Матякина и Щеглова едут!

– А вот и первые гости, – сказал штабс-ротмистр, взяв у слуги трость и саквояж. – И где же будут мои апартаменты, сестра? Как всегда, в барском флигеле?

– Нет, нет, братец, – спохватилась Извольская, взяв его за руку. – Попрошу в мезонин. Одних гостей расселю в нем, других – в северном флигеле.

– Ремонт, что ли, в барском флигеле? И, помню, в северном флигеле была ковровая.

Извольская вздохнула и, поправив прическу, объяснила:

– В барском флигеле пришлось склад устроить, а коверщиц переместили в пристройку за домом... Тут у нас такое... хм-м... дело случилось... Собиралась написать тебе обо всем, да все недосуг... Расскажу, братец, после. Тут двумя словами не отделаешься... Терентий, отведи барина в мезонин и отопри его комнату.

ГЛАВА 3

Хитрово-Квашнину отвели комнату с окном, обращенным на часть заднего двора с конюшней, псарней и каретным сараем. Бросив саквояж на кровать, застеленную светло-зе-

ленным атласным одеялом, он посмотрел в оконное стекло: слева виднелись высокие деревья парка, справа – садовые вишни, яблони и сливы. На дворе доезжачий что-то втолковывал сыну борзятника. Псарь сидел на колоде и равнодушно посматривал на возню собак. Прислонившись к воротам конюшни и залихватски заломив картуз, Прохор заигрывал с хорошенькой дворовой девушкой, несшей с ледника на плече большую бутыл.

Штабс-ротмистр прошелся по комнате, пахнувшей лавандой и свежевыстиранным бельем. Приятный запах оживил воспоминания детства, связанные с покойной матерью. Каждый вечер, после того, когда он забирался в чистую постель, она приходила в детскую, чтобы прочитать ему какую-нибудь интересную сказку, и, засыпая, чувствовал на своем лбу нежный поцелуй. Взглянув мельком на портреты Кутузова и Барклая де Толли в декорированных рамах, он наклонился над тазом и ополоснулся водой из кувшина. Затем привел в порядок короткой расческой волосы, бакенбарды и усы. Закрыв дверь на ключ, спустился по лестнице в длинный коридор, разделявший парадную и повседневную анфилады дома.

Встречать прибывших дам решили в гостиной, расположенной рядом с парадным залом и обставленной мебелью из черного лакированного дерева. Это была светлая комната с большим количеством бра, жирандолей, канделябров и торшеров. По углам в кадках стояли фикусы, араукария и дру-

гие комнатные деревца.

Хозяин успел одеться в полковничий мундир конной артиллерии темно-зеленого цвета с воротником-стойкой и разрезанными обшлагами. Белые облегающие панталоны выгодно подчеркивали его крепкие и мускулистые ноги. Он на помадился и вспырынулся духами. Елена Пантелеевна, Аг-лая с Анастасией и Анфия Филимоновна нарядились еще с утра и выглядели безупречно.

Первой из подпоручиц в гостиную впорхнула Щеглова, за ней последовала Доможирова, последней вошла Матякина, приятного вида дама с большими голубыми глазами. Первая и вторая привезли с собой взрослых дочерей. Комнату с зеркалами в простенках между окнами наполнили шелест платьев из камлота и головокружительный аромат тонких духов. Заметив штабс-ротмистра, вдовы округлили глаза от приятного сюрприза, но не проронили ни слова. Как и подобает в таких случаях, каждая из них подала ручку хозяину и, запечатлев на его щеке поцелуй, нежно расцеловалась с именинницей с вручением подарков. И только после этого они дали, наконец, волю чувствам, протягивая руки к губам Хитрово-Квашнина и целуя его в щеку:

– Евстигней Харитонович!.. Какая приятная неожиданность!.. Когда же вы прибыли в наши палестины?

Поцеловав ручки юных барышень, штабс-ротмистр, обратившись к подпоручицам, рассказал им тоже, что поведал хозяевам на пороге дома. В это время в гостиную слуги внес-

ли подносы с легкой закуской – свежей икрой, копченой рыбой, сыром, печеньем. Подали также бокалы с легким вином и сладкими ликерами. Стройная и белокурая Матякина, на шее которой блистало бриллиантовое ожерелье, предпочла общество Андрея Васильевича и Елены Пантелеевны, а Щеглова и Доможирова со чады как встали подле штабс-ротмистра, так больше от него не отходили.

Щеглова была худа, остроноса, голос имела тонкий, переходивший в минуты волнения в нечто похожее на детский плач. Когда она нервничала, окружающие нередко в недоумении оборачивались, ища глазами девочку-подростка. Доможирова, напротив, отличалась внушительными формами и низким голосом с хрипотцой. Часто казалось, что вместо нее речь держит основательно прокуренный мужчина.

– Евстигней Харитонович, мы так рады вас видеть! – Доможирова устала на Хитрово-Квашнина зеленые, несколько навывкате, глаза, расправляясь с куском копченой рыбы. – Дайте слово, что никуда больше отсюда не уедете. Что ж это такое, жить вдали от малой родины, не видя друзей?!

– Ираида Гурьевна, спешу вас утешить: я вернулся навсегда... Ваша правда, всюду хорошо, а дома лучше.

– Прекрасно! – пробасила толстушка, высматривая, что бы еще положить в рот. – Как освоитесь в Харитоновке, зовите нас в гости. Мы непременно должны побывать у вас. Ведь так, Клепочка?

Тощая дворянка пригубила вино и закивала головой, иг-

риво заглядывая в глаза штабс-ротмистру.

– Вы нас пригласите?.. Отвечайте же!

– Как можно отказать таким красавицам! – улыбнулся Хитрово-Квашнин. – Приглашу!.. Дайте только отстроить новый дом. Управляющий, бестия, за шесть лет так запустил родовое гнездо, что просто беда! Принимать гостей в нем решительно невозможно.

– Пожурили его?

– Какое пожурил?.. Вышвырнул паршивца вон из имения!

Тем временем экипажи гостей один за другим прибывали в усадьбу. Приехали Нестеровы, причем, хранительница очага в коляске, а глава семьи верхом на необыкновенно красивом жеребце. Через некоторое время пожаловали Бершovy и Зацепины, за ними Измайловы и Петины. Последних возглавлял Игнатий Леонидович, старик лет семидесяти пяти с седой головой, слезящимися глазами и бородавкой на кончике носа. Ни на кого не глядя, он сразу засеменил к матери Извольского.

– Добрый день, Анфия Филимоновна! – прошамкал он радостно, целуя ей ручку. – Как поживаете?

– Ничего, живу себе помаленьку. А вы не хвораете?

– Как?

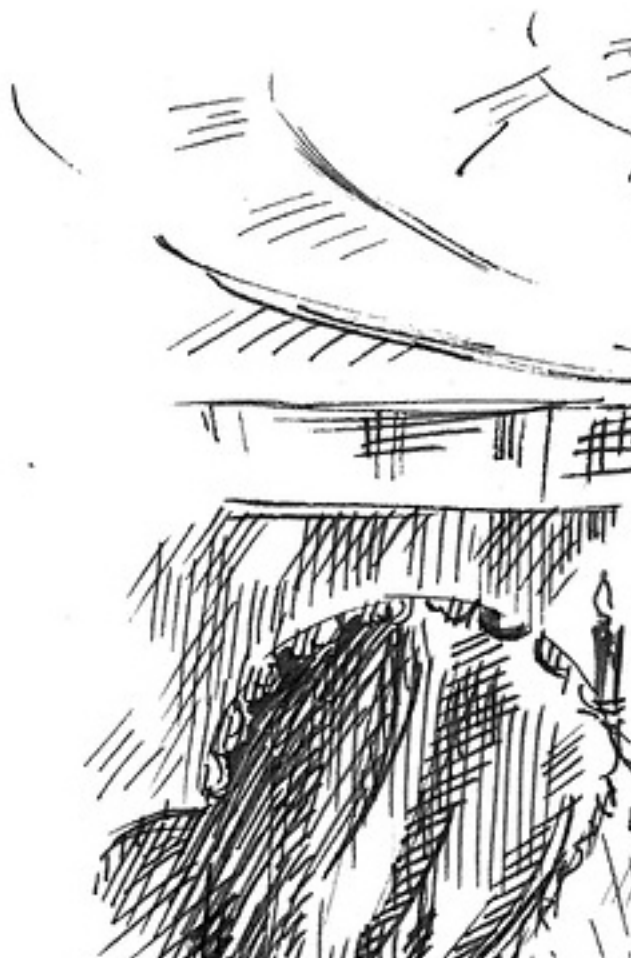
– Не больны, говорю.

– Нет, Бог миловал. Вот прибыл к вам на торжество.

– Милости просим!

– Чего-с?

– Добро пожаловать, Игнатий Леонидыч! – почти выкрикнула старушка и добавила тише: – Вот ведь глухмень, прости Господи!

Вскоре в гостиной стало тесно и шумно. Подпоручицы, пробуя разные закуски, стали просвещать Хитрово-Квашнина относительно вспыхнувших неурядиц между некоторыми гостями. Так, выяснилось, что титулярный советник Нестеров обиделся на коллежского асессора Бершова за слишком едкий стих о его амурных похождениях, который быстро распространился среди местного дворянства. Он не остался в долгу и в отместку регулярно шлет своих крестьян в бершовские владения на рубку леса. Чета Петиных дулась на семейную пару Зацепиных за то, что сын последних подавал надежды соединиться узами брака с их дочерью, но вдруг переменялся и стал ухаживать за другой. Чтобы поквитаться за обиду, они взялись оспаривать у Зацепиных березовую рощу и косить сено в пустоши, которая давно уже всеми считалась зацепинской. Поручик Потулов невзлюбил Измайлова за непростительную, на его взгляд, оплошность: на одной совместной охоте подполковник имел неосторожность подстрелить его лучшую легавую. Измайлов же негодовал на поручика за то, что тот прилюдно обозвал его остолопом и дурьей башкой. Корнеты на прошлогоднем балу в Петродаре не поделили златокудрую дочь председателя Тамбовской гражданской палаты. Праздник закончился, девица упорхнула во свояси, а молодые и горячие люди с тех пор и не в ладах. Их отношения испортились еще больше, когда не так давно оба приударили за миловидной дочкой подпоручицы Щегловой.

Юная особа, как на грех, не торопилась с выбором, и это лишь усугубляло ситуацию.

В гостиную, между тем, вошел гонец от предводителя дворянства, одетый в запятанный дорожный сюртук и клетчатый картуз. Это был Свирид, сын прапорщика Петра Иванова, управителя имения Лодыгиных.

– Ваше высокоблагородие! – обратился светловолосый и худенький молодой человек к Извольскому. – Иван Николаевич не сможет почтить своим присутствием ваш дом. Занемог, просит его извинить.

Андрей Васильевич нахмурился и, поглядев на супругу, развел руками.

– Какая жалость! – опечалилась Елена Пантелеевна. – Мы так хотели его увидеть. Что ж, скорейшего выздоровления добрейшему предводителю! Передай, Извольские его нежно любят.

Когда порог гостиной переступил последний запоздавший гость, а им был корнет Горелов, хозяева взяли друг друга за руки и повели всех в парадный зал. Под звуки музыки крепостного оркестра, расположившегося в углу комнаты у крайнего окна, Извольские заняли место во главе стола. Мужчины, согласно этикету, расселись по одну его сторону, дамы – по другую. Ближе к хозяевам сели дворяне чинами постарше, мелкие чины опустились на стулья в отдалении от них. Лакеи подали первые блюда – жаркое, ростбиф, гусей, уток, запеченную в сметане рыбу – и разлили

по бокалам шампанское. Все выпили и принялись за еду. Тост за здоровье императора и здравицы в честь виновницы торжества, как и положено, зазвучали после третьей перемены блюд. Немного погодя, Извольский выразил надежду, что рассорившиеся обязательно помирятся в его доме и станут впредь добрыми друзьями.

И лед отчуждения постепенно стал таять. Вот уже Петин улыбнулся какой-то шутке Зацепина, а Нестеров с интересом выслушал короткий рассказ Бершова. И Измайлов, казалось, посматривал на отставного поручика без обиды. И только корнеты на дальнем конце стола нет-нет, да и бросали друг на друга холодные, полные презрения взгляды. Вскоре послышались громкие реплики, непринужденный смех, остроты. А лакеи продолжали нести в зал все новые и новые яства, наполняя бокалы вином, ликерами и наливками. Гости пробовали сыры, спаржу, артишоки, всевозможные пироги и расстегаи.

После первых тостов развеселились даже петродарские гости, сидевшие до того на краю стола с озабоченным видом. Гладко причесанные, одетые в праздничные сюртуки, канцелярист Яковлев и купец Ларин с аппетитом налегали на еду, запивая ее мадерой.

Хитрово-Квашнин сидел напротив Доможировой и Щеголовой. В самом начале обеда Извольский посадил было штабс-ротмистра возле себя, как почетного гостя, но вдовы дамы взяли его под руки и, не обращая никакого внимания

на возражения, отвели к тому месту, где расположился поручик Потулов.

– Бог с вами, Евстигней Харитонович! – верещала Щеглова. – Успеете наговориться с хозяевами, а нам нужен интересный собеседник и внимательный кавалер!

– Мы о вас помнили все эти годы, – вторила ей Доможирова. – А вы нас игнорировать?! Не выйдет!

«Делать нечего», – подумал Хитрово-Квашнин, приняв на себя заботу по уходу за двумя вдовами. За третьей не без удовольствия присматривал отставной поручик. И если худосочная Щеглова штабс-ротмистра почти не обременяла (ела мало, пила и того меньше), то Доможирова постоянно держала его настороже. Тарелка дебелой дворянки пустела так быстро, что ему то и дело приходилось вставать и тянуть-ся к яствам, чтобы пополнить ее. Пила вдова много, отдавая предпочтение фруктовым наливкам.

Сам Хитрово-Квашнин никогда не жаловался на отсутствие аппетита, но, чтобы держать себя в форме, старался не переедать. Особенно сладкого, к которому его тянуло с детства. Всякого рода пирожные и торты были его слабостью с тех самых пор, когда его баловала матушка.

– Расскажите нам, Евстигней Харитонович, как поживают дворяне к юго-западу от Москвы, – попросила Доможирова, сложив пухлые руки на заметно пополневшем животе. – Лет двенадцать назад мне случилось проезжать по тем местам. Признаться, разруха после ухода французов произвела

на меня тягостное впечатление.

– Да что ж рассказывать?.. Усадьбы уж давно отстроили и живут себе потихоньку... Только ленивые да бедные содержат свои гнезда в запустении.

– А что ж за богачи барствуют в той округе? – спросила Щеглова, поднеся ко рту кусочек пирога.

– Ну, Воейковы там, князья Хованские, графы Шереметевы. Эти первыми свои углы привели в порядок. Миллионщики, знаете ли, не какая-нибудь мелюзга! Но прижимисты. Попросил я как-то у Воейкова пятьсот рублей займа под проценты – не дал, поостерегся.

Штабс-ротмистр заметил, как сидевший возле хозяина дома подполковник Измайлов поглядел на него с плохо скрытым раздражением. Отставной офицер поселился в Петродарском уезде по соседству с Извольскими года три назад, и потому для Хитрово-Квашнина до сегодняшнего дня он был абсолютным незнакомцем. Представил их друг другу хозяин перед самым началом праздничного обеда. Штабс-ротмистру гордый и надменный дворянин в белоснежном мундире кирасира не понравился сразу. Было видно, что и Измайлов не в восторге от нового знакомого. Рано или поздно ветераны Отечественной войны должны были произвести пикировку. Так оно и случилось, когда принятое спиртное сняло некоторую неловкость и развязало языки.

– Да будет вам известно, любезнейший, – проговорил подполковник громко, глядя на Хитрово-Квашнина, – что по

матери я из тех самых Воейковых... Вы как-то грубовато высказались на их счет.

– Что ж я сказал такого?.. Миллионщики, они и есть. И, повторяю, один из них не дал мне денег в долг.

– И, впрямь, дорогой Матвей Аверьяныч, – заступился за штабс-ротмистра Извольский, – имелось в виду, что перечисленные помещики бережливые люди.

– Ладно, оставим это... Вы в каком полку улан служили, как вас... Харитон Евлампиевич?

Задавая вопрос, подполковник высокомерно задрал подбородок и небрежно вытянул указательный палец в сторону штабс-ротмистра.

– Зовут меня, сударь, Евстигней Харитонович. А служил я в Литовском полку.

– Да что вы!.. В том самом, где служила знаменитая кавалерист-девица Дурова?

– Бог свидетель, в нем.

– И вы ее хорошо знали?

– Как облупленную!.. Била француза не хуже нашего брата! Ей бы мальчишкой родиться, но уж так, видно, было Богу угодно... В один день нас с ней ранило в ногу, и в отставку вышли мы одновременно, даже переписывались первое время... Девка – огонь, честное слово!..

– Как облупленную!.. Девка – огонь!.. Евлампий Харитонович, или как вас там, вы потомственный дворянин, а выражаетесь, словно какой-нибудь...

Измайлов осекся и замолчал, понимая, что зашел уж слишком далеко.

– Вот как! – проговорил штабс-ротмистр сухо. – Тогда нам и не о чем толковать. Общайтесь-ка с другими.

Подполковник поджал тонкие губы и горделиво вскинул голову. Спустя некоторое время он уже беседовал о чем-то с Бершовым. Хитрово-Квашнин выпил наливки и сказал негромко, обращаясь к вдовам:

– Чертов умник!.. Каков?! Не нравится ему простое русское слово.

Подпоручица Матякина откинулась на спинку стула, ее бриллиантовое ожерелье при этом полыхнуло яркими вспышками. Она привлекла внимание Хитрово-Квашнина и тихо проговорила:

– Евстигней Харитонович, так его!.. Он и на меня с Потуловым волком смотрит. Слышу, говорит жене: «И не стыдно им, шельмам, здесь греховодить!». Ну, что ж нам, за столом и словом нельзя перемолвиться?!

– Поди ж ты, а сам «шельму» ввернул!.. Черт с ним, Лидия Ивановна, не обращайтесь на него внимания.

Через некоторое время разговор коснулся животрепещущей темы – объявившейся в соседнем лесу разбойничьей шайки. Не проходило дня, чтобы она не напомнила о себе. И, что удивительно, жертвами разбоя и грабежа на лесной дороге становились исключительно дворяне. Дальше–больше. В начале мае в усадьбах Извольских и Измайловых слу-

чились большие пожары – дочиста сгорели амбары и овины. С неделю назад у тех же помещиков загорелись каретные сараи с конюшнями, но дворовые люди не сплеховали и быстро уняли пламя. Это были уже не шутки. Все сходились на том, что красного петуха в имениях пускают разбойнички новоявленного Робин Гуда.

– Да кто ж такой этот Колун? – возмутился Хитрово-Квашнин. – И почему за лесную банду, чтоб ей пусто было, не возьмется исправник?! Беды дожидается?.. Кто, кстати, нынче исправником в уезде?

– Ограбленные люди видели главаря, – пояснил Извольский. – Высок, плечист, а кто таков, неизвестно – на лице маска маскарадная... Кто исправником у нас? Поручик Селиверстов. Лентяй, каких мало! Со своими людьми пару раз прочесал лес, и на том успокоился... Говорю ему, излови злодеев, не то они обнаглеют и за топоры возьмутся, кровь честным людям пустят. Нет, либо лис травит собаками, либо посиживает в своем имении или в Петродаре и в ус не дует!

– А вот в бытность Евстигнея Харитоныча в исправничьей должности у нас в уезде было тихо, – напомнила всем хозяйка. – Что мешает поручику Селиверстову навести порядок?

Собравшиеся за праздничным столом закивали головами, переглядываясь и посматривая на Хитрово-Квашнина. В уезде его уважали. Дворяне – за порядочность, а однодворцы за справедливость и незаносчивость. Когда он служил исправником, подчиненные ему заседатели мужика не обижа-

ли, не драли его за бороду, не пили у него дома задарма. Воры же да тати вели себя тихо, зная, что отставной вояка с простреленной ногой будет преследовать их с упорством росомахи, которая берет след добычи и гонит ее до тех пор, пока та не свалится от усталости.

– А не кажется ли вам, господа, странным, – проговорил штабс-ротмистр, обратив взор на Извольского и Измайлова, – что поджигатели оба раза устроили пожары в ваших усадьбах?

– Поди, разбери! – воскликнул Извольский. – А, впрочем, наши гнезда невядалеке от леса, вот и несет их сюда... Пришлось даже караул учредить в усадьбе.

– Может, оно и так, – задумчиво произнес Хитрово-Квашнин. – Но Селиверстов!.. Он обязан извести заразу... Хотя, что можно требовать от того, кто сам в прошлом не обременял себя примерным поведением.

– Водились грешки за нынешним исправником! – поддакнул поручик Потулов.

– Клавдия Юрьевна! – заговорила именинница, обращаясь к супруге титулярного советника Нестерова. – Видите, что творится в наших местах!.. Как сказали мне, что вам надо в Назаровку, так и волнуюсь с тех пор. Дайте лучше весточку сестре, что не сможете приехать на погляд нарядов племянницы. Станет покойней в округе, тогда и навестите родных.

– Нельзя, милая Елена Пантелеевна, – ответствовала дво-

рянка. – Обещала я. Верочка Назарова – крестница моя, помолвка ее скоро. Оставляю вам супруга – что ему за радость глазеть на девичьи обновки? Сама же поутру в путь-дорогу... И поеду я не лесным трактом, а в обход. Дорога там, конечно, дрянь, рытвины да ухабы, но делать нечего. Переночую у сестры и вернусь сюда с Божьей помощью.

– Разбойники орудуют не только в лесу. Поостерегитесь!.. Возьмите с собой одного из наших лакеев. Он погонял бы лошадей и поглядывал по сторонам, а вы спокойно отдыхали бы в своем экипаже все десять верст.

– О, нет! Люблю сама править лошаадьми... Авось, пронесет! – Тогда возьмите одну из моих горничных. Феклушу, например. Умеет читать, знает массу интересных историй. Она скрасит вам дорогу.

– От горничной не откажусь... Свою-то, Марфушеньку, оставила дома. Занемогла, бедняжка.

Елена Пантелеевна и другие женщины попытались переубедить титулярную советницу, пересказали в подробностях все случаи разбоя, но та твердо стояла на своем. Не смог вразумить супругу и Нестеров.

ГЛАВА 4

Спустя два часа парадный зал напоминал потревоженный улей. Общий разговор давно закончился, начались оживленные застольные беседы. Вдовушки Доможирова и Щеглова

отложили приборы и, пересев к Хитрово-Квашнину, принялись наперебой рассказывать ему о том, как поживали последние шесть лет приглашенные на именинный обед гости. Сначала они перемыли косточки Бершовым, сидевшим возле Измайловых. Глава семьи был высоким худым человеком лет сорока с приличной лысиной, орлиным носом и темной повязкой на левом глазу. Его белокурая 35-летняя супруга отличалась пышными формами и голубыми томными глазами под длинными и пушистыми ресницами. Она была на голову ниже своего муженька.

– Тимофей Александрович последние годы служил заседателем в уездном суде, – сказала Щеглова. – В отставку вышел в чине коллежского асессора и хозяйствует понемногу в своем имении. Прикупает по выгодной цене землю и крестьян, строит водяную мельницу и винокуренный завод. А дома, между тем, нелады, даже исхудал бедняга.

– Исхудаешь, если тебе почти в открытую наставляют рога, – пробасила Доможирова. – Амалия Кондратьевна изменяла ему сначала с подпоручиком Пахомовым, теперь завела шашни с Зацепиным. Но совсем недавно я узнала, что у Тимофея Александровича в Петродаре бывают встречи с одной премилой мещанкой. Гуляют под ручку в парке, ездят по городу на красивых лошадях.

– Ирочка, потише! – зашипела Щеглова. – Про мещанку ничего не знаю, а в остальном ты путаешься. Амалия Кондратьевна раньше погуливала с Зацепиным, в последнее же

время крутит роман с поручиком Колобовым.

– Клепа, вот сейчас не спорь со мной! Мне лучше знать.

– Нет, ты не спорь!

Подружки, склонив к столу головы, вступили в тихую перепалку. Верх, в конечном счете, при поддержке Матякиной, взяла Доможирова: жена Тимофея Александровича Бершова изменяла ему в данное время с Колобовым. Выяснилось также, что одноглазый коллежский ассессор пописывает дрянные стишки и наизусть знает «Евгения Онегина».

За Бершовыми пришел черед Нестеровых. Илья Евсеевич, 37-летний высокий блондин с карими глазами и светлыми усами, троюродный брат Извольского, до недавнего времени жил в Тамбове и служил заседателем в верхнем земском суде. Супруга его Клавдия Юрьевна, запланировавшая поутру поездку в Назаровку, была полноватой брюнеткой с серо-зелеными глазами и темным пушком над верхней губой. Сев рядом с Зацепиной, она болтала с ней без умолку.

– Надо отметить, Евстигней Харитоныч, – сказала на уху штабс-ротмистру Щеглова, – что титулярный советник в Тамбове верностью жене не отличался. До нас доходили разные слухи. Сам-то он, видите, какой красавчик! В него, говорят, по уши влюбилась супруга тамбовского полицмейстера. И вернулся он в наш уезд только потому, что ему посоветовали сделать это. Игрок!.. Ходят слухи, что не так давно спустил в штосс родовое имение.

– Милочка моя, – загудела Доможирова, – ты опять за-

блуждаешься. Он забросил карьеру в губернской столице из-за последней своей пассии – модной портнихи Лебуасье. Вдовая француженка прихворнула и переехала в Петродар – доктор прописал ей лечение минеральными водами. За иностранной красоткой последовал и Нестеров. Раньше в Петродар ни ногой, а тут зачастил. Для отвода глаз бумаги какие-то выправляет в уездном суде... Родовое имение, насколько знаю, у него небольшое, и его он не проигрывал. Живут Нестеровы в благоприобретенном имении Клавдии Юрьевны... Любитель перекинуться в картишки и покрасоваться. Неделию назад купил у князя Голицына призового жеребца Барона. Для чего?.. Пыль в глаза пускать?.. Неужто Клавдия Юрьевна дала ему деньги?

Щеглова состроила недовольную гримасу и помахала перед носом у Доможировой тонким пальчиком.

– Ирочка, ну, ты и выдумщица! Хоть роман пиши!.. Не верьте ей, Евстигней Харитоныч. Была я третьего дня в Петродаре и ничего такого там не слышала. Это правда, Адэль Лебуасье живет на Дворянской и лечится водами, однако с Нестеровым ее никто не видел. Теперь, говорят, она прогуливается по аллеям парка с племянником нашего губернатора, поручиком Ознобишиным, чему потворствует гостящий у нее отец, тамбовский аптекарь Карл Иванович Менаж. Нежные чувства к Нестерову француженка, может быть, и питала...

– Оставь, Клепа! Племянника губернатора она только тер-

пит. Нестеров – ее настоящее увлечение. Иные влюбленные так умеют замести следы, что комар носа не подточит!.. Но Клавдия Юрьевна начинает прозревать... Деньги на покупку жеребца она супругу не давала. Не такая уж она простушка. И смотрит на него теперь без прежнего обожания. А еще совсем недавно хотела отписать благоприобретенное имение в полное и безраздельное владение мужу за «его нежную к ней любовь и супружескую верность». Вот как верила ему!

На сей раз Матякина не поддержала ни одну из сторон, и подруги остались при своих мнениях. Про Петиных они рассказали немного. Старик Петин давно уж похоронил жену и жил заботами сына, отставного 45-летнего коллежского секретаря Леонида Игнатьевича, дальнего родственника Елены Пантелеевны. Младший Петин был располневшим добряком с зелеными глазками, густыми бровями и бакенбардами. Его 40-летняя высокая и худая супруга Аграфена Васильевна обладала забавным вздернутым носиком и длинной верхней губой, из-за чего создавалось впечатление, что она вот-вот громко чихнет. Пара поживала в своем имении настолько мирно и дружно, что вдовушки только развели руками. Мол, и толковать не о чем.

– Живут небогато, – сказала только Шеглова. – Всего-то двенадцать крепостных душ мужского пола. Как-то заехала к ним: домик деревянный, одноэтажный, в несколько комнаток, а рядом флигелек, в котором прозябает Игнатий Леонидович... Сыновьям, служащим в столице в кавалергардах,

переппадают жалкие крохи... Да, и вот еще что, Леонид Игнатьевич с недавних пор возомнил себя художником. Всюду таскает с собой альбом с карандашами и малюет портреты знакомых. Не поверите, за деньги!.. Как-то запечатлел мой образ. Вышло, прямо скажем, не ахти. Отдаю ему деньги и говорю: «Леонид Игнатич, вам бы поучиться, уроки взять», а он мне: «Клеопатра Фирсовна, зачем это?.. Супруга уверяет, что у меня талант»... Вот увидите, и к вам сунется с альбомом!

Следующими на очереди были Зацепины. Глава семьи, 37-летний отставной поручик Ардалион Гаврилович, был среднего роста, имел русые, с залысинами, волосы, гусарские усы, длинный нос, брови вразлет и зеленовато-карие глаза. Его 33-летняя светловолосая супруга Антонина Герасимовна была в меру высока и стройна, но бледное лицо ее с небольшими светло-зелеными глазами и орлиным носом оставляло желать много лучшего.

– Зацепин, помнится, еще при вас, Евстигней Харитоныч, был в заседателях, – говорила Доможирова. – Ничего с тех пор не изменилось! По сей день служит в нижнем земском суде. Имение родовое, как известно, промотал еще в корнях. Потом взялся за ум и приобрел подвернувшееся имение с двадцатью душами крепостных. Большой озорник! Недавно крутил роман с Амалией Кондратьевной... Сейчас, вроде бы, жене не изменяет. Но каким был, таким и остался. Пулей срывается с места, ржет как конь, любит выпить, поигрыва-

ет, как Нестеров, в карты и прискучил всем, сил нет – всюду просит денег взаймы.

Когда пришел черед Измайловых, вдовушки перешли на шепот. С отставным кирасиром, как показали недавние события, шутки были плохи.

– Матвей Аверьянович с Таисией Гордеевной прежде жили не то во Владимирской, не то в Ярославской губернии, – отметила Доможирова. – Переехали сюда только потому, что у него стала пошаливать печень, а у нее желудок. Купили в Петродаре большой дом, лечатся водами, живут на широкую ногу, бывая у всех видных дворян уезда. Но уж чересчур горды, особенно муженек. Так и норовит, как вот с вами, Евстигней Харитонович, показать свою спесь. А ведь вряд ли его род древнее вашего.

Хитрово-Квашнин посмотрел на Измайловых. Оба были высокого роста, худы, узкоплечи. И лицами были похожи – небольшие серые глаза, тонкий длинный нос, острый подбородок имелись как у супруга, так и у его дражайшей половины.

Об ухажере Матякиной сказала несколько слов Щеглова, его родная сестра. Отставной пехотинец, вдовец по пятому году, в прошлом был крепким выпивохой. Как-то в пьяном виде едва не проиграл в споре свое имение в Самовце. Удача, что ему на жизненном пути повстречалась такая женщина, как Матякина. Она оказывает на него благотворное влияние, и Потулов только иногда позволяет себе «дербалыз-

нуть». Правда, так, что у бедной Лидии Ивановны опускаются руки.

Про вдовую капитаншу Плахово сказано было лишь то, что она, потеряв мужа, живет с приживалками в своем имении и ждет не дождется отставки единственного сына, служащего в гусарах в Санкт-Петербурге.

Вдовушки перебрали всех взрослых семейных дворян. Остались лишь юноши да девицы. Корнеты Антон Горелов и Эраст Кузовлев на дальнем конце стола старались во всю, чтобы очаровать дочку подпоручицы Щегловой. Первый был высоким голубоглазым блондином, второго отличали темно-карие глаза, каштановые, с залысинами, волосы и высокие скулы. По прихоти судьбы оба прибыли из своих полков в отпуск для раздела имущества после смерти отцов. Поручик Семен Парфенович Кузовлев скончался в возрасте сорока пяти лет в результате несчастного случая – охотясь на зайцев, выскочил из седла и головой ударился о камень. Андрей Саввич Горелов умер тихо, в своей постели. Просто заснул и не проснулся. Ему было слегка за пятьдесят.

Хитрово-Квашнин, узнав подробности ухода из жизни названных дворян, перекрестился и сказал:

– Царствие им небесное!

Наблюдая за молодежью, он отметил, что дочка Доможировой Татьяна, точная копия матери, за столом тайком любовалась Кузовлевым. Старшая из девиц Извольских, Аглая, отдавала явное предпочтение смуглому уроженцу Франции,

сидевшему возле Горелова. Младшая, Анастасия, была еще столь юна и непосредственна, что открыто посматривала на молодых людей и без боязни вступала с ними в разговоры.

– Что говорить про молоденьких отставных гусаров и иностранца? – заметила Доможирова. – Женихи, да и весь сказ!

Хитрово-Квашнин слышал, как француз на полном серьезе говорил петродарскому купцу:

– Деревья болеть, как люди. Плохо жара и мороз, плохо вредитель, плохо трутовик. Дупло интересно для нас, для дерева это не есть хорошо.

О вдовцах, купце Ларине и коллежском регистраторе Яковлеве также сказано было немного. Первому дворянки приклеили эпитеты толстосума и воротилы, а зятянутого в тесный сюртук служащего уездного суда охарактеризовали как самого продувного крючкотвора среди местных подъячих.

За столом заговорили о модных нарядах, прическах, предпочтениях в еде.

– Господа, мы с Матвеем Аверьянычем весь май провели в Баден-Бадене, – проговорила Измайлова. – Столько впечатлений! Какие наряды! Какой стол! Почитай, каждый день все это снится.

– Как интересно! – воскликнула Амалия Кондратьевна Бершова, хлопая длинными ресницами. – Поделитесь с нами, Таисия Гордеевна.

– Питались мы во французском ресторане. Баварская свиная рулька с кислой капустой не для наших желудков. То

фрикасе из кролика закажешь, то жерминаль – суп-пюре со спаржей и эстрагоном, то сюпрем – осетрину под соусом бешамель... Непременно заставлю повара готовить эти блюда дома... После коктейля Ришелье выйдешь прогуляться, а тебе навстречу шествует под ручку с супругом, бравым генералом, француженка в умопомрачительном платье и с шикарной прической. Повернешь голову, англичанка с кавалером на лавочке сидит – тонкая, стройная, модная донельзя... Пообедаешь, отдохнешь, а вечером – в казино. Шикарные залы, люстры, расписные потолки. Денег оставили уйму!.. Однако ж не жалко, знаете ли...

– Фрикасе, бешамель, коктейль Ришелье! – пробурчал Извольский, наморщив переносье. – Не ел и не собираюсь! Заграничное, не наше все это. Мы русские люди, не след нам перед Европой преклоняться. Нет, попробовать можно, но и только. Мне, к примеру, милей поросенок с гречневой кашей, гусь с мочеными яблоками, на худой конец, блины со сметаной... Европа! Этот просвещенный Запад так и норovit нас унижить. Русские у него неучи, варвары, свиньи... У России свой путь, нечего нас учить!

– Ну, это уж вы круто взяли! – заметил Зацепин, ухмыляясь. – Панталоны да фраки к нам из-за границы пожаловали! А курительные трубки откуда пошли? А шампанское?.. А французский язык? Все на нем болтаем! И дома господские строим по европейскому образцу. Парки разбиваем, кто во французском, кто в английском стиле... Раньше дворян дья-

чок деревенский учил по Псалтири, а ныне все норовят гувернанток или гувернеров иноземных завести и дать детям приличное образование. Да мало ли чего... Философов этих заграницей пруд пруди, экономистов тоже. И женщины у них красивые, знаю.'

– Откуда тебе знать? – уставилась на мужа Антонина Герасимовна. – Ты дальше Смоленска носа не совал!..

– В Москве видел.

– Я ни одной привлекательной немки, ни англичанки там не встретила. Такое впечатление, что всех красивых женщин в свое время в Европе на кострах сожгли.

Старший Петин, переспросив у Анфимии Филимоновны замечание Зацепиной, так и покатился со смеху. Оно показалось ему весьма остроумным.

– Из Европы пришли и шпицрутены, – заметил Бершов, осуждающе глядя на Зацепина. – Ужасное заимствование!

– А я, Андрей Василич, поддержу поручика Зацепина, – высказался Измайлов. – У Европы стоит поучиться. Вот взять хотя бы Англию...

– Ее как раз и не надо ставить в пример, – перебил Извольский. – Англия – злейший враг России, коварный, надменный, беспощадный! Сколько раз она, преследуя свою выгоду, вступала в союз с Россией и потом предавала ее? Кто натравливал Турцию на войны с нами? Англия! Кто направил Наполеона в Россию? Она же!.. Недаром Суворов всегда говаривал про козни Великобритании: «Англичанка гадит»!

Хитрово-Квашнин в этом споре был на стороне Извольского. Он всегда осуждал бездумное подражание европейским порядкам и веяниям. Грех не позаимствовать что-то неоспоримо важное, полезное, но слепо преклоняться перед Европой глупо и не патриотично. России необходимо придерживаться православия, соблюдать свои традиции и обычаи.

— Господа, тут поручик Зацепин упомянул про гувернеров, — вставил слово титулярный советник Нестеров. — Расскажу-ка я вам любопытный случай, касательно этой темы. Дело было в Тамбове. Как-то мой приятель, богатый и солидный человек, не имевший большого образования, решил подыскать для своих дочерей француза-гувернера. Первый искатель места не заставил себя долго ждать. Так, мол, и так, природный француз, имею опыт обучения детишек языку и танцам, но рекомендательные бумаги вместе с портмоне утеряны. Приятель мой на отсутствие рекомендаций и бровью не повел. Рад, что одной заботой меньше, что дети вскоре заговорят на французском! Пожалуйста, милости просим, говорит он иностранцу. Проходит некоторое время. Я к приятелю с визитом, общаюсь, он и говорит, что дочки его по-французски так и болтают. Когда малышки появились в гостиной, я им: «Бонжур, барышни». Они мне в ответ: «Бонджорно, Илья Евсеич». Я им: «Коман але-ву?» А они в ответ: «Бэне, грациэ». Что такое, думаю. Италией попахивает! Я поделился открытием с приятелем, тот выпучил глаза

и бегом к учителю. Тут-то обман и открылся. Гувернер, на самом деле, был итальянским прогоревшим торгашом, пришедшим в свое время в Россию вместе с Наполеоном, как, к примеру, Доминико Пивато, владелец тамбовского трактира «Берлин», который в петродарской галерее лавки с буфетом на лето снимает. Итальяшка пошел на хитрость, чтобы до отъезда в Москву пожить в свое удовольствие, питаясь за богатым барским столом.

Гости и хозяева от души посмеялись над рассказом титулярного советника.

ГЛАВА 5

Музыканты трудились исправно – одна мелодия сменяла другую. Играли тихо, повинаясь плавным движениям дирижера, одаренного мелкопоместного дворянина Антона Дудкина, постоянно проживавшего в Отраде. Бездетный вдовец, владелец крохотного поместья, Дудкин был душой коллектива, без него не исполнялся ни один музыкальный пассаж. В оркестре наличествовали скрипка, виолончель, труба, тромбон, кларнет и две флейты. Воздавая должное руководителю оркестра, поручик Зацепин дважды вставал с места и угощал его вином. Маленького росточка дирижер выпить был не дурак и бокалы опустошал с явным удовольствием. После третьего бокала он сказал, приглаживая седую шевелюру:

– Благодарю, дорогой Ардалион Гаврилыч. Приятно, что

музыка трогает вас. Не любят божественных звуков люди черствые, недалекие, эдакие глухари... Что вам сыграть? Только скажите.

– «Вдоль по улице метелица метет». Да позаливистей, Антон Варсанофьич!

– Текст Глебова, стихи Варламова... Неплохой выбор!

Довольный Зацепин подкручивал усы, возвращался на свое место и, попивая вино, вполуха прислушивался к оркестру. Хитрово-Квашнин, поглядев на тщедушного дирижера, вспомнил встретившегося на дороге Осипова.

– Клеопатра Фирсовна, – обратился он к Щегловой. – Имена Дудкина и Осипова возле ваших владений. Как там их усадьбы, много ли осталось крепостных, землицы?

– Дом Дудкина покосило еще больше, плетень на земле лежит, крестьян три человека. Земли немного, что-то около трех десятин. Усадьба Осипова не лучше, да еще и в закладе. Крестьян и того меньше, всего два человека. Земельный надел едва кормит его и дядю.

– Скажите на милость!

– Это еще ничего, – пробасила Доможирова. – Недалеко от моей усадьбы живут два родных брата, оба коллежские регистраторы в отставке. Так они владеют только одним крепостным мужиком. Вместе с ним в поле на работы ходят, вместе горе мыкают. Ведь у них еще и два малолетних племянника на руках! Одеваются кое-как, во что Бог послал. Манеры по недостатку образования грубые, матер-

ные слова так и соскакивают с языка. И все больше поругивают единственного кормильца, который, впрочем, их совсем не боится. Дюжий и широкоплечий, он только посмеивается над плюгавенькими барами. «Пантелеймон! – кричит один. – Чертов лежень! Чего торчишь на завалинке? Ступай за водой!» «Схожу, когда ремень ваш починю. Без штанов, что ли, собираетесь день коротать». «Пантелеймон, так тебя перетак! – орет другой. – Ну-ка, разожги очаг, жрать охота!» «Пустяки!.. Придет время, разожгу, а сейчас мне не до вас, кровлю собираюсь поправлять». Но когда разгораются ссоры с такой же, как они, беднотой, слуга и его хозяева выступают единым фронтом. Зашла соседская курица на двор или свинья в огород – спор, ругань, потасовка! Коллежские регистраторы сначала на чем свет стоит костерят соседей, а затем переходят в наступление. Бьют чем попало, в ход идут даже дубинки. И самый значительный вклад в победу вносит, конечно, Пантелеймон.

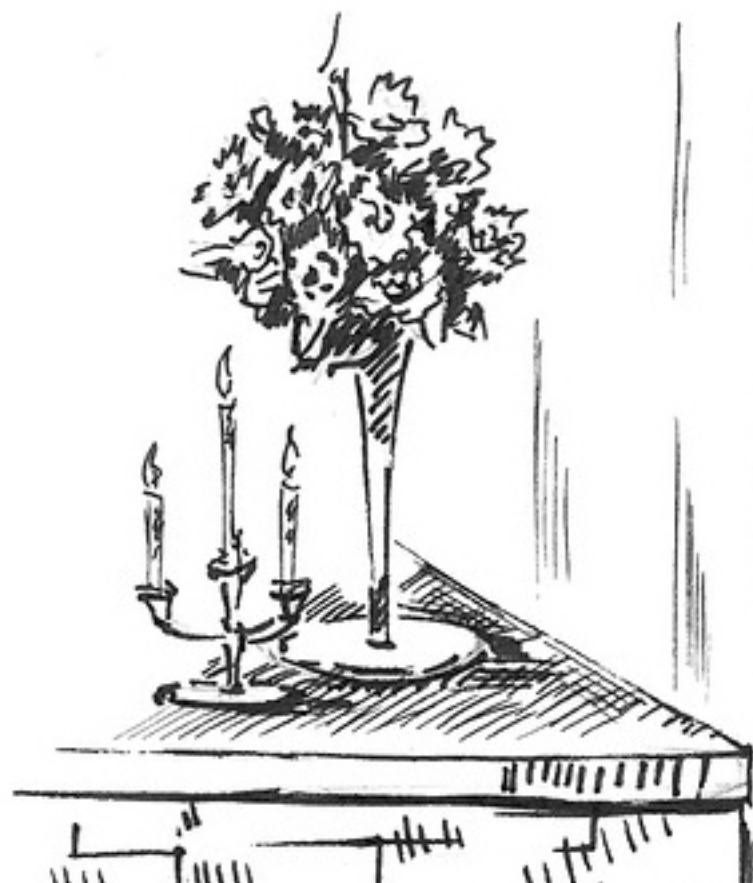
Домишко коллежских регистраторов в две комнатенки с сенями – сущая развалюха. Смех и грех, убожество это разделено на две половины: справа от входной двери – господская часть, слева – помещение для слуги. Одну от другой почти не отличить, везде теснота, серость, и только старая мебель на господской половине, как то: комод, сундук и стол с витыми ножками, показывает, что когда-то тут жили в относительном достатке. Оно, на самом деле, было время, когда у них насчитывалось с дюжину крепостных и два дворовых

человека. Но оно безвозвратно ушло. Причиной тому карты, долги и прочее... Однажды сажусь на извозчика в Тамбове, добираюсь до места и хочу расплатиться, а руку-то за деньгами, знаете, кто тянет? Один из братьев! Подзаработать приехал в губернскую столицу. Вот до чего доводит дворян непутевая жизнь!

— А Дудкин лет пять назад так обнищал, что, обучив игре на разных инструментах трех своих мужиков, посылал их по вечерам зарабатывать в деревенские трактиры и питейные дома, — сказала Щеглова. — Так и кормился, пока Андрей Василич не пригласил его к себе на жительство.

Разговоры, между тем, развернулись во всю ширь. Парадная зала наполнилась гулом голосов, который стих, когда серебряная вилка хозяина настойчиво застучала по пустому бокалу.

— Господа, поэтическая минута! — объявил Извольский. — Послушаем стихи, адресованные имениннице... Тимофей Александрович, просим!

Стихи Бершова на подобных мероприятиях местного дворянства были непременным атрибутом. Поэт поднялся, громко прокашлялся и уставился своим единственным глазом на Извольскую. Простирая к ней руку с красивым перстнем на мизинце, он продекламировал:

*Тебе все наши поздравленья,
Тебе все наша доброта,
Лобзай, люби во все мгновенья,
И будь любима навсегда!*

Окончив четверостишие, Бершов поклонился и сел на свое место с сознанием выполненного долга. Гости, однако, озадаченно переглянулись: они явно ждали от него большего. Да и само посвящение их несколько смутило – его бы адресовать юной особе, а не матери семейства! Наградой домо-рощенному сочинителю были жидкие хлопки, которые тут же стихли.

– Хм-м, не густо, – заметил поручик Потулов вполголоса.

– И не совсем по адресу, – поддержала его Матякина. – Жаль, что не смог приехать предводитель. У Ивана Николаевича премилые стишки. Правда, он не всегда их читает, стесняется. Не то, что этот Бершов...

– Да, Иван Николаевич мог бы выступить с посвящением, – сказала Щеглова. – Не раз слышала, как он откликался

на разные события... Благородная душа, щедрое сердце!

— Анфия Филимоновна, голубушка, — раздался дребезжащий голос старика Петина. — О чем толковал здесь высокий молодой человек? Бершов, кажется.

— О, господи! — взмолилась мать Извольского, покачивая головой. — Туг на ухо пуще прежнего... Стихи читал господин Бершов, стихи, Игнатий Леонидыч!

— Стихи?.. Какая прелесть!

Хозяин дома, приложив к губам салфетку, снова стукнул вилкой по бокалу.

— А что ж это петродарцы все молчат? Сподобься на поздравительную речь, Анисим Агапыч! Просим!

Кряжистый купец, ворочая кустистыми бровями, перекинулся парой фраз с Яковлевым и встал на ноги с бокалом мадеры. Модный сюртук шел ему как корове седло, под левым глазом виднелись остатки синяка, которые не смог скрыть даже толстый слой пудры.

— Елена Пантелевна, матушка, дай вам Бог здоровья!.. Дай Бог здоровья и деткам вашим! А мы всегда ваши слуги... Ежели возникнет потребность в деньгах, аль в иных каких надобностях, вы, тово, токмо намекните... Надеюсь, вы и дальше будете сдавать мне в аренду водяную мельницу с винокурным заводом и продавать лес, зерно и пеньку.

Как только Ларин осушил бокал и опустился на стул, на ноги поднялся коллежский регистратор Яковлев, среднего роста худой человек лет шестидесяти с длинными рыжева-

тыми волосами, бородкой, крючковатым носом и срезанным подбородком.

– Примите мои поздравления, Елена Пантелеевна, – пролеял он, сладко улыбаясь. – Пусть ваша красота никогда не поблекнет! Оставайтесь такой же цветущей и счастливой! И помните, если дело коснется какой-либо судебной тяжбы или разбирательства, моя скромная помощь к вашим услугам.

Яковлев происходил из духовного сословия и был личным дворянином. Личное дворянство, в отличие от потомственного, не передавалось по наследству. Его получал всякий гражданский чиновник, получивший чин XIV класса. Владеть населенными имениями и участвовать в дворянских выборах личным дворянам не позволялось. Все свои надежды они возлагали на доходные должности в уездных присутственных местах.

Щеглова наклонилась к Хитрово-Квашнину и тихо сказала:

– Судебный крючок недавно большое дело сделал для Леночки. В урочище Юрьево Раменье она лет десять безуспешно оспаривала кусок земли у капитана Уварова. Ей посоветовали обратиться к Яковлеву, и через два заседания вопрос решился в ее пользу!

– Что ж вы хотите?.. Опыт! Подъячий еще деду моему помогал, царствие ему небесное!

– Как интересно! Расскажите.

– Мельницу нашу водяную то и дело подтоплял секунд-майор Сеченов, мельница которого располагалась ниже по течению. Он вечно воду задерживал в своем пруду, создавая трудности для работы наших мельничных колес. Переманил к себе, хитрец, всех местных помольщиков. Но недаром говорит пословица: мельницу строить – за подтоп отвечать. Дед – в суд, призвав на помощь Яковлева. Тот хоть и молод был тогда, да удал. Уж и не припомню как скоро, а суд заставил-таки Сеченова заплатить по счету.

За окнами стало смеркаться. Когда, по знаку Извольского, слуги зажгли свечи в канделябрах, на стенах в красивых обоях заплясали причудливые тени.

Мелания Щеглова, белолицая, с приятными чертами лица, сидя рядом с полной и застенчивой подружкой, чувствовала себя на седьмом небе. «Право, на фоне Танечки Доможировой я всегда смотрюсь *magnifique*! Вон как корнеты глазают! А француз втюрился в Аглаю. На меня ноль внимания, все норовит поймать ее взгляд... Горелов, конечно, хорош. И Кузовлев не хуже. Но, Боже мой, разве сравнятся они с Вельяминовым?!... Маман говорит, что Вельяминовы нам не по зубам. Богатеи!.. А вдруг Серж полюбит меня? Ведь он уже немного влюблен. Стоит его увлечь, и он мой! Ах, как жаль, что его здесь нет! Я бы вскружила ему голову!.. Увы! Андрей Васильевич не дружен с его отцом... А корнеты не сводят с меня глаз, следят за каждым движением! Так внимательны! Урони я сейчас платок, они, не раздумывая, ри-

нутся за ним под стол. А что?.. И посмотрим, кто из них проворнее».

Она томно повела глазами, взяла в руку голубой носовой платок и незаметно бросила его на пол.

– Ах, мой платочек! – послышался ее удивленный голос.

Не успела она это сказать, как корнеты, словно по команде, одновременно дернулись и устремились под стол, крепко ударившись при этом головами. В столкновении больше досталось Кузовлеву. Пока он потирал ушибленное место чуть выше уха, Горелов поднял платок с пола и с поклоном вручил его владелице.

– Благодарю вас, господин Горелов! – сказала юная кокетка, украдкой посмотрев на Кузовлева. Тот был чернее тучи. Проигрывать ему явно не нравилось.

– Господа, а не пора ли размяться? – громко произнес Извольский, поднявшись на ноги. – Пока готовится десерт, дамы могут отдохнуть в гостиной, мужчин же попрошу в бильярдную.

В бильярдной Хитрово-Квашнин с удовольствием закурил трубку, наблюдая за тем, как к ломберному столику садятся любители острых ощущений. Извольский с Измайловым уединились в дальнем углу, чтобы побеседовать о чем-то конфиденциальном, а потом и вовсе вышли из помещения. Купец с канцеляристом за отдельным столиком наперебой предлагали Петиним и французу одолжаться нюхательным табаком.

Штабс-ротмистр прошелся по комнате, поглядывая на портреты предков Извольского, висевших по стенам в массивных золоченых рамах. Прадед полковника, сурового вида поручик с крупным породистым носом, был изображен в анфас. Дед, в которого пошел Андрей Васильевич, дослужился до секунд-майорского чина. Схваченный в полуанфас, он горделиво смотрел куда-то вдаль. Отец, гусарский ротмистр в венгерке и ментике, лихо поднимал вороного коня на дыбы. Выражение лица гусара вышло несколько удивленным, как будто он и сам толком не понимал, к чему весь этот апломб.

Покончив с осмотром картин, Хитрово-Квашнин подошел к ломберному столику.

– Евстигней Харитоныч, партию в штосс? – неунывающий Зацепин, поигрывая карточной колодой, подмигнул озорным глазом, а Нестеров, Потулов и Бершов жестом указали ему на свободный стул.

– Я, господа, не вашего поля ягода. Картежник из меня неважный. В дурачка там или в свои козыри – это куда ни шло.

Корнеты, сторонясь друг друга, бесцельно слонялись по комнате. Один без конца теребил пуговицу на мундире, другой напевал под нос веселый мотивчик. Хитрово-Квашнин подумал, что игра на бильярде помогла бы молодым людям стать ближе, забыть об обидах и разногласиях. Пусть позабавятся! Глядишь, все пойдет по-старому. А то ведь и смот-

реть-то на них тошно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.